

Николай Водневский

Пропадал и нашелся

Личное свидетельство

Николай Водневский

Пропадал и нашелся

Личное свидетельство

Водневский Н. Пропадал и нашелся. — К.: Свет на Востоке, 2009. — 64 с.

Автобиографическая повесть: размышления об окружающем мире, осмысление жизни и своего места в ней, события, люди, встречи и расставания, невзгоды и лишения, трагедия войны и послевоенные трудности — вехи, отмечающие путь, пройденный автором от неверия к покаянию и обретению Бога.

Редактор Ирина Никольская
Корректор Валентина Новомирова
Обложка Андрея Цорна

Изд. № 01.506
ISBN 978-966-2089-17-2 (Укр.)
ISBN 978-3-939887-53-9 (Герм.)

© «Свет на Востоке», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	56
Глава 8	62

Мой путь ко Христу

То, что найдет здесь читатель, — не автобиографический очерк и не пропагандистская листовка. Это краткое повествование о величайшем событии в моей жизни — встрече с Иисусом Христом. Мною руководило единственное желание: в немощи послужить людям, не имеющим ни опоры, ни поддержки, ни надежды в этом мире.

Путь, на котором нашел меня Господь, не был особенным. По этому пути и сегодня идут миллионы людей. Они похожи на мертвую рыбу, которую несет течением реки. Они не имеют силы противостоять влечению греха, и потому одни из них стыдятся своего прошлого, другие угнетены настоящим, и очень немногие думают о будущем. Но и эти немногие строят свое будущее только на земле, не желая подумать о своей бессмертной душе.

Мой рассказ — свидетельство. Оно подобно свидетельствам того множества людей, живших на «широкой улице», которые, встретившись со Христом, ожили для новой жизни. И я принял эту новую жизнь от Иисуса Христа и потому имею в сердце постоянную радость спасения.

Способен ли эту радость понять тот, кто не пережил, не прочувствовал отчаяния гибели?

Вспоминаю случай из своей жизни. Поздней, холодной осенью переправлялся я на пароме через большую реку. Паром был переполнен людьми. Поскользнувшись, я упал в воду. Казалось, мои ноги стали свинцовыми, еще мгновение — и я буду под водой. Голос мой оборвался, и

я едва нашел силы, чтобы крикнуть: «Спасите!» Но никто не обращал на меня внимания. Сознание, что через мгновение я навеки погибну, наполнило мое сердце отчаяньем. Вдруг я увидел конец брошенного мне каната. О как я ухватился за него! «Если мои руки не выпустят канат, буду на берегу», — думал я. Вскоре я стоял на лугу, дрожа от холода. Сердце же ликовало от радости. «Покажите мне человека, который первый увидел меня утопающим и бросил мне веревку», — просил я людей. Мне хотелось поблагодарить его, так как он спас меня от смерти.

Все люди подобны пловцам, плывущим на другой берег. Берег тот — вечность. Житейские волны бросают нас из стороны в сторону. Челн наш ненадежен. Хотя сам по себе он не тонет, но имеет множество пробоин, через которые наполняется водой. И гибель неминуема. Грех, подобно воде, заполняет этот мир, и потому земля и все, что на ней, пребывает под печатью осуждения. Об этом говорит вечно живое Божье Слово. И потому тот, кто беспечно смотрит на жизнь, — в большой опасности.

Но Творец неба и земли не оставил грешников. Он давно позаботился о них. Для спасения людей Он предложил надежный ковчег и верную пристань. Ковчег этот — Христос. И потому утопающему не следует «хвататься за соломинку», как говорят в народе, но надо с верой прийти к Иисусу Христу как личному Спасителю. Он приведет к желанным берегам.

Я это сделал 14 августа 1948 года.

Об этом и будет мой рассказ.

Глава 1

Так. Детство ранено навывлет.

Остановись в лесу, шепни:

«Зачем они березы пият

И выкорчевывают пни?»

И. Е.

Я родился и вырос в Советской России. Учился в советской школе. Этого было достаточно, чтобы мало знать, или совсем ничего не знать, о Боге.

8

Моя мать умерла от истощения. Отец же, бывший лесничий, ушел из дому из-за социальных преследований. И я оказался выброшенным на улицу, где бродило множество людей в поисках куска хлеба.

В детстве я пас коров. Уже тогда родилась и жила во мне жажда к познанию мироздания. Ведь как красиво устроена земля!

Вот передо мной, на порыжевшей от солнца траве, раскинуто серое полотенце, а на нем скромный обед: миска теплого картофельного супа и ломоть черного хлеба. Осенив себя крестом, пастух Ануфрич энергично переломил хлеб и подал мне со словами:

— Подкрепляйся чем Бог наделил.

В полуденный зной стадо отдыхало под ветвистыми березами. Птичий хор, не умолкая, пел свои песни, и, казалось, не было конца чудной свадьбе пернатых. Я

наскоро съедал свой обед и, перевернувшись на спину, подолгу смотрел в бескрайнее голубое небо.

«Есть ли на свете такой человек, который бы знал, что было вначале?» — размышлял я.

Павел Демьянович, местный учитель, говорил: «Не верьте поповским сказкам. Земля и все прочее само собой произошло. Наукой доказано».

Но почему же теперь ничего не происходит «само собой» — вставал передо мной вопрос. Вот, допустим, ложка, которой я ел суп. Ее ведь кто-то сделал, чтобы потом человек мог ею пользоваться. Если моя простая ложка или алюминиевая миска не произошли сами собой, то как же сама собой произошла такая огромная и красивая земля?

«Человек произошел от обезьяны, — говорил далее учитель. — Англичанин Дарвин доказал это».

Ну хорошо, — размышлял я по-детски, — а от кого тогда обезьяна произошла? От другого животного. А то, другое животное, от кого произошло? От другого, простейшего. А то, другое, простейшее, от кого произошло? Из живой клетки.

О клетке я имел весьма смутное представление, но все же мысли двигались в том направлении: а та, живая клетка, от чего произошла? От воды и воздуха. А вода и воздух от чего произошли? Вода и воздух всегда были. А это мне совсем не нравилось: почему же теперь не рождаются живые клетки из воды и воздуха?

Я старался припомнить каждое слово, сказанное учителем по этому поводу. Но всегда мои размышления

обрывались на живой клетке, и дальше дороги не было.

Тогда я обращался к Ануфричу, старику с белой и окладистой, как капустаный лист, бородой. Одевался он всегда в один и тот же «костюм», который нельзя было назвать ни сюртуком, ни халатом, ни пальто — лохмотья, в которые он превратился, не давали такой возможности.

Славный старик не мог удовлетворить мою любознательность. Растягивая слова, он повторял охрипшим от простуды голосом одно и то же: «Испортился ныне народ, вконец испортился... Молоко на губах не обсохло, а вишь куда его потянуло... Скажи ему, сколько лет земле! А я почем знаю?!»

Щуря и без того узкие глаза под густыми поседевшими бровями, Ануфрич обращал взор к небу, словно искал там ответ, и через минуту добавлял: «Богу это ведомо, а не мне. Вот тебе мой ответ».

На этом наш разговор заканчивался. Закрыв глаза, я мыслями уносился в неведомые большие города. Там есть трубы с большими увеличительными стеклами. Говорят, через эти трубы можно увидеть на небе самую маленькую звезду. О, там люди многое знают!.. И как мне хотелось заглянуть в ту волшебную трубу, чтобы найти ответы на множество вопросов, порожденных детской фантазией!

Прошло несколько лет. Обстоятельства удивительным образом сложились в мою пользу. Я ушел из деревни в город. Добрые люди помогли мне поступить на рабочий факультет, а спустя несколько лет — в институт. Суровая городская действительность оказалась страшнее дере-

венской жизни. Это были годы борьбы за кусок хлеба. В зимнее время я ходил по домам, пилил и колоч дрова, а летом на два месяца уходил в деревню. Мне тяжело вспоминать первые годы учебы. Я жил месяц на сорок пять рублей государственной стипендии, из которых двенадцать платил за маленькую комнатушку на окраине города. От завтрака я отказывался, а возвращаясь с занятий, становился в очередь и покупал фунт черного хлеба и немного сахара. Это и составляло мой обед и ужин. Два раза в неделю я мог позволить себе зайти в студенческую столовую. Я брал борщ или суп и полфунта хлеба, что стоило шестьдесят пять копеек.

С одеждой дело обстояло не лучше. В одной рубашке-косоворотке я ходил на занятия весь учебный год. Когда она становилась грязной, я снимал ее и вечером стирал под рукомойником. Стирал почти без мыла, потому что оно стоило денег. За ночь рубашка высыхала, я разминал ее руками, и утром она снова была у меня на плечах.

Томительными были последние часы занятий. Тошнило, рот наполнялся слюной, в животе появлялась боль. В такие минуты в голове была одна мысль: кушать... кушать... кушать...

Вспоминаю один такой эпизод. Я сидел за столом и смотрел на доску, у которой решали геометрическую задачу. Но мысли были о другом: как сегодня пообедать? До получения стипендии оставалось более недели, а в кармане было всего тридцать копеек.

Учитель математики, хромой, неопределенных лет человек с женским и в то же время строгим лицом, всегда

чем-то недовольный, умел по глазам читать мысли студентов.

— В., к доске! Продолжите решение задачи...

Меня бросало в пот, но дело с решением вперед не продвигалось. Урок затягивался. Все молчали. Учитель сидел, кривя губы, словно отведал уксуса, и молча смотрел на меня. Наконец он встал и произнес своим обычным тоном:

— Удивительно способный юноша, но ужаснейший лентяй, — на последних словах он сделал особое ударение. — Зачем ломиться в окно, если есть дверь?!

Прозвенел звонок, а я все стоял перед учителем, выслушивая его строгие наставления.

Он не знал, что в ту минуту темно-серая рублевая ассигнация была для меня интересней самой интересной геометрической задачи.

Глава 2

Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!

Рим. 11:33

В конце концов я оставил студенческое общежитие и снял дешевую комнатуху в отдаленном и глухом районе города.

Помню холодный январский день. Я простудился и вернулся с занятий раньше обычного. Уже во дворе я услышал звуки грустного и трогательного пения. Оно доносилось из комнаты моей хозяйки — одинокой старушки лет шестидесяти. Ее старый, покосившийся домик состоял из двух комнат и нескольких коморок. Одну занимал я.

Прасковья Ивановна, так звали хозяйку, любила днями сидеть в своей комнате и пить душистый липовый чай. Стены другой комнаты были увешаны изображениями «святых угодников» и другими иконами.

Услышав это необыкновенное пение, я приоткрыл комнату Прасковьи Ивановны. Несколько стариков и старушек стояли перед большой иконой, изображавшей Деву Марию с Младенцем на руках. Человек, облаченный в черное, стоял на коленях.

Стараясь не нарушить тишину, я осторожно прикрыл дверь и прошел в свою «келью». Было ясно, что здесь проходило тайное богослужение.

К тому времени в городе не осталось ни одной церкви. Церковные здания власти использовали «для нужд народного хозяйства и культурно-просветительной работы», устраивая в них склады, клубы, школы, избы-читальни и прочее.

Я сел у окошка и принялся разглядывать улицу. Молчаливые деревья бесшумно осыпали иней. Предзакатное солнце косыми красными лучами скользило по крышам соседних домов. На сердце лежала непреодолимая тоска. Голодный желудок и холодная «келья» действовали на душу удручающе. И я еще раз увидел, насколько безрадостна и неинтересна жизнь человека на земле.

«Вот за стеной люди молятся Богу. У них хоть вера есть. Значит, есть и надежда. А у меня что?» — рассуждал я.

Я принадлежал к категории людей, считавших религию «опиумом для народа» (по выражению Ленина). Но в эту минуту у меня появилось желание открыть дверь и вместе со старушками стать на колени, чтобы рассказать Божьей Матери, как тяжело мне жить на свете. Хотелось рассказать Ей все, как рассказал бы своей матери, если бы она вдруг встала из холодной, занесенной снегом могилы.

Вскоре закрипели двери. Поодиночке, чтобы остаться незамеченными, гости Прасковьи Ивановны начали расходиться. Несколько минут спустя ко мне постучала и сама Прасковья Ивановна. Она хорошо знала, что богослужения на дому противозаконны и могут повлечь суровое наказание. Но на ее лице я не увидел страха. Наоборот, на нем отражалась тихая, спокойная радость,

словно она видела себя королевой в потустороннем мире. Даже ее морщинистое лицо порозовело.

— А мы, Николаша, Богу молились, — сказала она. — Что ты на это скажешь? А?

Я молчал, не зная, что ответить.

— И за тебя молились, чтобы Бог помог тебе в жизни.

— Спасибо. Как раз в этом я сейчас нуждаюсь.

— А веришь ли ты в Бога? Ведь вас теперь учат, что Бога нет, есть какая-то «материя»...

— Наверно, Бог есть, но я Его не знаю, — ответил я.

— Понимаю тебя, сынок, — сказала хозяйка и вышла из каморки. Через минуту она вернулась, держа в руке старую, порыжевшую книгу и бронзовую иконку. — Вот тебе образ Божьей Матери, заступницы нашей. Она обо всех печется, всем помогает. А вот здесь, — она раскрыла книгу, — есть молитва. «Достойно есть» зовется она. Ты, Николаша, ее заучи.

И внимательно посмотрев мне в глаза, добавила:

— Вот тебе мой совет, слушай: два разочка в день, утром и вечером, поставь иконочку на стол, да двери на крючок не забудь запереть, и читай эту молитовку трижды, осеняя себя крестом... А «Отче наш» ты знаешь?

Я утвердительно кивнул головой: покойная мать еще в детстве научила.

— Вот хорошо. И «Отче наш» читай. Сам Христос, Сын Божий, когда жил на земле, учил так делать. — Немного помолчав, добавила: — Только, смотри, не многим про то сказывай. Сам знаешь, какой теперь народ пошел. Родному брату не верь, а не то что другу.

И здесь она, как бы в подтверждение, сказала:

— Как написано: восстанет народ на народ, и сын будет против отца...

— А как же вы, Прасковья Ивановна, мне доверяете? — спросил я удивленно.

— А я знаю, ты в НКВД не пойдешь, чтобы донести на меня. Ведь я же бедная, одинокая старушка... А вчера читала твои стихи к матери и слезу не удержала. Сама покатила, непрощенная... — На морщинистые, как губка, щеки упало несколько брильянтовых слезинок. Она смахнула их ладонью и продолжала: — Жалко мне тебя стало. Я и решила тебе про то сказать.

Я принял из ее рук молитвенник и иконку. Величиной со спичечный коробок, покрытая зеленоватым налетом окиси, иконка изображала Деву Марию с поднятыми до уровня плеч руками. На груди у Марии был мальчик Иисус Христос.

Все люди склонны к суевериям. Будучи почти атеистом, я все же принял эту икону как талисман. Но обещание молиться так и осталось лишь на словах.

Прасковья Ивановна приоткрыла мне двери в закрытую православную церковь. Она обладала удивительным чувством предвидения. Многие события, пережитые мною, она видела наперед. Правда, ее пророчеству я не придавал тогда никакого значения, но помню, как она мне говорила: «Ничего, Николаша, не унывай. Бог тебя не оставит. Падут возле тебя тысячи и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизится...» Что-то в этом роде говорила она на церковно-славянском языке.

Прошло несколько лет, и, когда слева и справа от меня падали тысячи, я не раз вспоминал Прасковью Ивановну.

К тому времени я уже ознакомился с «религиозным вопросом», так как он связан с историей России. Но советская историография имела определенную направленность и к таким историкам как Платонов, Костомаров, Соловьев, даже Ключевский, относилась довольно сдержанно. В оценке всех исторических событий нужно было придерживаться строго партийного взгляда, и потому многое оставалось скрытым или неясным.

Поговорить «о старине» любила и Прасковья Ивановна. Вместе с теплыми утешительными словами она ежедневно приносила мне тарелку горячих щей, присаживалась у моего стола и рассказывала обо всем, что когда-то видела или о чем когда-либо слышала. Из ее рассказов я черпал много нового... Любила рассказывать о жизни старцев, об их чудодействиях, об обновлении икон и тому подобное.

Свежо предание, да верится с трудом, думал я иногда про себя. Когда же я начинал говорить о жизни священнического сословия, приводя негативные факты, Прасковья Ивановна переходила на другую тему. Ведь этот вопрос был и остается большим подспорьем для атеистической пропаганды. Очевидно, даже Прасковья Ивановна в жизни церковнослужителей видела «больные места». В таких случаях верным щитом для нее была безупречная жизнь Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Иоанна Кронштадского и других подвиж-

ников православия. О них и о монастырской жизни не раз рассказывала мне Прасковья Ивановна.

И все же для меня осталось тайной, каким образом люди, уходившие в пустыни, основывали монастыри и вскоре становились обладателями колоссальных денежных средств, лесов, пашен, рек и даже деревень.

— О сынок, — говорила, вздыхая, Прасковья Ивановна, — нет прежней Руси... За грехи наши тяжкие наказал нас Господь. Не слышно теперь колокольного звона, что когда-то радовал людей по утрам. Это там, в Карховском монастыре, звонили: братия звала к заутрене. А теперь и душу усопшего негде помянуть.

Я слушал эти жалобы, и на память невольно приходили эпизоды из жизнеописания Иоанна Грозного. Он был человеком набожным: совершая казни, заносил имена казненных в поминальные книги (синодики) и рассылал их по монастырям. Эти книги сохранились до наших дней как интересные исторические свидетельства. Число жертв доходило иногда до четырех тысяч. Братия поминала их за особые поминальные вклады, что являлось одним из многочисленных источников богатства монастырей и всей господствующей церкви в то время.

О, эта черная страница религиозной жизни русского народа и до сего дня держит в плену неверия многие искренне жаждущие души!

Помню, как однажды, знакомясь со сборником исторических первоисточников, я пригласил Прасковью Ивановну и читал ей об Александровском монастыре (возле Москвы), где когда-то царь Иоанн IV избрал братию —

триста опричников, а князя Афанасия Вяземского возвел в сан келаря. Братию он одевал в черные монашеские рясы и скуфейки, сам взбирался на колокольню и звонил к заутрене, а потом читал и пел на клиросе и долго коленопреклоненно молился.

Историк Ключевский пишет, что «после обедни, за трапезой веселая братия опивалась и объедалась, царь за аналоем читал поучения отцов церкви о посте и воздержании, потом обедал сам, после обеда любил говорить о законе, дремал или шел в застенок присутствовать при пытках заподозренных» (т. 2, с. 188).

Все это свойственно мертвому христианству. Не удивительно, что Россия за короткое время стала рассадником атеизма. Теперь мне ясно, что нет большего ущерба делу Христову, чем попираание Его заветов людьми, носящими Его имя. Вот почему и тогда со многими доводами Прасковьи Ивановны я не мог согласиться.

— Уж слишком много ты знаешь... Меньше будешь знать, лучше будет. Потому за хлебом в очереди стоим, что люди теперь много знают, — отвечала мне почтенная старушка. А после, уходя от меня, улыбаясь, говорила: — Мне с тобою поговорить, как чаю попить. Вот посижу у тебя — и душу отведу.

Я хорошо ее понимал. Целыми днями она оставалась дома и ни с кем не разговаривала, кроме как с кошкой да коровой, которая, к слову сказать, была единственным источником ее существования.

Прасковья Ивановна не сделала меня религиозным человеком, но научила думать о бессмертии человеческой

души. Я понял, что человек — великая загадка. Она известна только Творцу.

Жизнь — лабиринт. Но где та стрелка, которая показала бы человеку путь к познанию смысла жизни, путь к познанию Истины? Где та нить, которая могла бы и меня вывести к истинной свободе?

Это миссия Бога. Это может сделать только Бог. И я пытался понять, почему же Он не открывает этот путь людям.

Тогда я еще не знал, что об этом Бог давно позаботился и послал на землю Свое живое Слово, ставшее плотью, «полное благодати и Истины». Я не знал, что Евангелие — Божие откровение, данное человекам «как светильник, сияющий в темном месте» (2 Пет. 1:19).

Я иногда пробовал молиться, но смысл этих молитв не доходил до моего сознания. Завет Прасковьи Ивановны оставался невыполненным. Многое оставалось для меня непонятным. Но я верил, что придет время, когда неизвестное станет известным.

Как заботливо и старательно Дух Святой приготавливал во мне почву, чтобы спустя десять лет бросить в сердце живое семя Своего Слова! Я теперь не сомневаюсь в том, что эту работу Господь, через Святого Духа, производит в каждом жаждущем человеке, пришедшем в этот мир как в преддверие вечности.

Глава 3

*Жизнь — старуха, дряхлая, убогая,
Просит милостыню у Христа...*

На студенческой скамье я не услышал ничего, что научило бы меня разумно жить на свете. Я не почерпнул там силы, которая сдерживала бы во мне греховные наклонности.

Я научился курить, хотя первая папироска показалась мне страшно противной. Мне полюбились вино, и вскоре я был неплохим знатоком спиртных напитков. Первый заработанный рубль я отнес в театр, чтобы посмотреть там «Грозу» Островского.

Но вскоре разразилась настоящая гроза. Она докатилась и до меня. Страшные тучи войны нависли над моей Родиной. Они нависли и над моей головой. И здесь сразу обнаружилась несостоятельность марксизма. Марксизм не выдержал и разъехался по швам. Кроме иконы, которую носил в кармане, я повесил на шею крестик. Эти вещи я тщательно скрывал от своих сослуживцев, но вскоре увидел, как то же самое делали и многие другие мои сверстники. Среди них некоторые уже были членами коммунистической партии.

В оправдание один из таких партийцев сказал мне: «Пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится».

Я согласился с ним, добавив, что это лучшая характеристика для всех людей нашего века.

Ровно в годовщину войны, 22 июня 1942 года, во время одного жаркого боя с немецкими оккупантами я молился Богу и в душе говорил: «Великий Бог! Ты имеешь силу спасти каждого человека... Спаси и сохрани меня. Помилуй и прости. Я всегда буду молиться и делать только хорошее».

Не зная истины Божьей и характера Его любви, я готов был пойти на такую сделку с Богом, чтобы сохранить жизнь. Я видел, что в тех обстоятельствах никто мне не может помочь, кроме Бога.

Чудом Господь сохранил меня. Из ста сорока человек, участвовавших в том бою, уцелело только тридцать шесть.

Но вскоре я начал забывать об обещаниях, данных Богу. Я продолжал жить по обычаям этого мира. Только несколько первых дней я находил силы держать себя в страхе Божьем.

Девятнадцатого августа того же года, в пять часов утра, на поле между деревнями Яковлевка и Лоцихино (на Смоленщине), у подножия высоты 265.7, покрытом трупами двух сибирских полков, смерть снова заглянула мне в лицо. И я снова повторял известные мне молитвы еще более усердно и настойчиво. «Моли Бога о мне, святой угодниче Божий Николай...» — была моей постоянной молитвой.

Мне стыдно было поднять очи к небесам, и потому я нашел посредников в Николае Чудотворце и Деве Марии.

Но вот опасность миновала, а моя жизнь по-прежнему хромала на оба колена. Картежная игра в условиях фронта стала моим излюбленным занятием.

Порой я просиживал ночи в землянке, за примитивным столом, среди шумных и безразличных к жизни людей.

Два духа, живших во мне, продолжали войну. Один говорил: «Делай! Это приятно. Это хорошо».

А второй: «Разве ты забыл двадцать второе июня и девятнадцатое августа? Разве не ты давал обещания Господу этого больше не делать?»

Печально было, что победу одерживал нехороший дух, гость с дурной славой. Он умел так хитро успокоить и убаюкать, что мне ничего не оставалось, как дать ему руку и черное назвать белым.

Глава 4

*Как мало прожито,
Как много пережито.*

Надсон

Скучная серая осень. Под хмурым дождливым небом, на изрытой снарядами земле, в деревянном бараке, словно в гробу, люди ожидали смерти.

Мир для меня не существовал. Была война, грозная, суровая бойня. Был начальник лагеря Густав Компас, немец с редкими, торчащими, как у кота, усам. Были молчаливые, всегда серьезные «вахманы». Была жестяная банка для супа, висевшая на нарах у изголовья. Ряды колючей проволоки паутиной опутывали небольшой квадрат земли. Вышки для часовых по углам лагеря для военнопленных были похожи на грибы. Низкие деревянные бараки вращались в землю, словно им было очень холодно. А на вышках пулеметы черными глазами стволов угрожающе обозревали людей.

Вечером пленные возвращались с работы, поддерживая под руки ослабевших. Небо заволакивалось сплошными темно-серыми тучами. С востока дул холодный ветер. Часовой у пулемета натягивал на голову капюшон и трижды ударял в кусок рельса. Тогда внутри лагеря прекращалось всякое движение. По нарушителям этого приказа часовые стреляли без предупреждения. Часовые,

как мокрые куры, втягивали головы в плечи и расхаживали по тесным площадкам, ожидая смены.

А в бараках люди, как черви, ворочались на нарах, и тяжелый, спертый воздух выбрасывало через разбитые окна. Всю ночь горела коптилка, гарь щекотала в носу.

В девять часов вечера проходил патрульный, осматривал нары, а в шесть утра его зычный голос возвещал подъем. «Ауфштейн!» — раздавалось во всех концах лагеря. Это слово, как острый нож, касалось моего сердца.

Звения банками и котелками, на ходу протирая глаза, все спешили занять очередь у кухни, чтобы потом успеть стать в очередь за добавкой. Из-за добавочной ложки жидкого супа постоянно разгоралась борьба — к великой потехе администрации лагеря. Но только немногим счастливым удавалось получить немного мутной жидкости, которая на лагерном языке называлась баландой. Измученные голодом, люди забывали об элементарных принципах человеческой этики.

Вот по лагерной дорожке бредут двое приятелей. Идут молча. О чем-то вспоминают. Общая судьба, общее горе связало их воедино. Но вдруг, в одно мгновение, оба оживляются и, как коршуны за добычей, бросаются на землю. Один из них схватил окурочок. Может быть, немец нарочно бросил окурочок для потехи. Второй взмахивает кулаком и бьет приятеля по голове. «Шакал, — со вздохом произносит он. — За тобой никогда не успеешь...»

Осчастливленный находкой, «друг» не отвечает, заботливо охраняя окурочок.

Я был свидетелем жуткой сцены, когда человек пытался зарезать земляка, за то что он тайком облизал его котелок.

После завтрака (он же и обед) производилось построение всех военнопленных. Устанавливали, сколько трудоспособных, сколько «филонит», то есть симулирует. Полицейские бегали из барака в барак с записными книжками, проверяя нары.

«А ты что развалился? Баланды, что ли, объелся? — тыкая палкой в ноги, грубо кричал полицейский. — Оглох, что ли? Команды не слышишь?» Но лежавший на нарах не отвечал. Он, наверно, еще вечером ушел в мир иной и теперь лежал холодный, нисколько не заботясь ни о построении, ни о баланде.

Приготовления к работе совершались за несколько минут. Все получали кирки или лопаты, потом строем, по четыре, шли на работу.

Я никогда не забуду эту дорогу, асфальт «варшавки» — Варшавского шоссе, — покрытый блестящей, словно алюминиевой, коркой. Непрерывно моросил мелкий дождь. От Рославля до линии фронта день и ночь двигались машины, груженные оружием и продовольствием для армии. На прицепах громыхали пушки. На жерла стволов были надеты брезентовые чехлы. Солдаты кутались в брезентовые маскировочные палатки и, сидя на танках, сосали трубки. Видно, им не нравилась русская осень. Треща и дымясь, проносились мотоциклы.

Дорога вносила оживление в эту местность, пустынную и сиротливую. По сторонам дороги березовые рощицы

утопали в болотистой почве. На пригорках виднелся порыжевший мох, пестрели лысые пни, обколотые для костров. А дальше — лоскуты черной озимой пашни, за холмами виднелись черные трубы — остатки сожженных деревень. Стаи ворон, испуганных случайными выстрелами, кочевали с места на место.

На часовом пути до места земляных работ всегда оставалось несколько наших друзей, чтобы успокоиться навеки. Этим несчастных людей полицейские добивали палками или, в лучшем случае, пристреливали. Ото всюду слышалось грозное: «Лос! Лос!» Конвоиры отличались исключительной жестокостью. Эти люди до сегодняшнего дня остаются для меня загадкой. Казалось, они имели каменные сердца и не были рождены матерью.

Мы были полураздеты. Только у немногих имелись ботинки на деревянной подошве, остальные обматывали ноги тряпками. Всякая попытка местного населения помочь нам строго каралась. Во всем этом видна была правительственная политика — уничтожение пленных.

Голод и наступающая зима действовали угрожающе. Смерть ежедневно косила наши ряды. Специальная команда санитаров (из полицейских) очищала нары от трупов, среди которых иногда были люди, потерявшие сознание, но еще не умершие.

Сосед по нарам рассказывал, как увидел санитаров, которые к «черным» воротам несли хоронить какого-то узбека. (В лагере отдельных могил не копали, умерших хоронили без гробов, в общей яме, предварительно сняв с них одежду.) Но «умерший» вдруг застонал, а потом

тихим голосом стал просить: «Братцы! Что же вы делаете? Ведь я еще живой...» — «Нам лучше знать, живой ты или нет» — нагло ответили могильщики. Его одежда была их достоянием.

Борьба за существование по дарвиновской теории «естественного отбора» была налицо. Всем хотелось жить, и все боролись за жизнь.

Слушая рассказ об «умершем» узбеке, я вспомнил басню И. А. Крылова. Бедный старик, утомленный тяжелой жизнью, поднимая в лесу вязанку дров, сказал: «Эх, кабы смерть пришла...» А она не за горами. Повернул голову — вот она, стоит рядом, за плечами.

«Нет, я тебя звал не во гнев, а чтобы помогла мне поднять вязанку», — жалобно сказал старик.

Миллионы людей, не погибших на полях сражений, медленно умирали за колючей проволокой лагерей. В таких условиях в некоторых пробуждались религиозные чувства. Пробудились они и во мне.

Однажды весной нам дали лопаты и погнали на запад, как гонят от пожара скот. Приближался фронт. В опустевшей деревне нам дали небольшой отдых. Я зашел в первую избу. Жильцов не оказалось. Услышав гул артиллерийской канонады, все убежали в лес. В комнате еще оставался теплый жилой запах. Кошка, единственное живое существо в доме, металась из угла в угол. На столе были разбросаны бумаги, книги, старые журналы, школьные тетради. Очевидно, в этом доме жил сельский учитель. Здесь я увидел старую потертую книгу в порывевшем коленкоровом переплете. Меня она, как любителя

старинны, сразу заинтересовала. Я раскрыл ее и прочитал на титульном листе: «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа».

Мне показалось, я нашел то, что мне было необходимо. И это было именно так. Я читал «Капитал» Маркса, изучал политэкономия и вопросы ленинизма, знал Пушкина и Гете, Маяковского и Есенина, но за всю свою жизнь ни разу не прочитал Евангелия.

В избе я не задержался. Чтобы не привлечь внимания охраны, которая была все еще строгой, я спрятал книгу за пояс и вышел на улицу.

Остановившаяся для ночлега на дорогах, в полях, лесах, я очень внимательно прочел книгу от первой до последней страницы. Она стала постоянной моей спутницей. Читая Новый Завет, я увидел, насколько выше и ближе моему сердцу было учение Христа, нежели идеалы социалистического общества.

Я понял, что попытки коммунистов основать общество на чувстве долга и сотрудничестве людей натолкнулись на подводные камни человеческой жадности, эгоизма, жестокости и безнравственности. И здесь коммунизм показал свое полное бессилие изменить человеческий характер.

С другой же стороны, простота и мудрость евангельского учения делала его последователей на голову выше других людей. И я чувствовал, что для полноты разумной жизни мне чего-то недостает. Снова возник вопрос: откуда ведет свое начало этот мир? Каково место человека на земле? Зачем и для чего он живет? И почему я, по

ночам роя окопы, постоянно недоедая, все еще хочу жить? То, что четыре года изучал на студенческой скамье, здесь, на полях Смоленщины, я подверг серьезной проверке.

Если материалисты предлагают принять на веру учение о материи, что она не имеет ни начала, ни конца — как во времени, так и в пространстве, всегда была, есть и будет, — то почему я не могу принять учения о Боге, что Он вечен, не имеет ни начала, ни конца, но всегда был, есть и будет?

Вначале была материя. Откуда же взялась материя? Мне не дали ответа. Меня учили, что все произошло из существовавшей материи, что вследствие воздействия на нее энергии возникло движение. Но что вывело эту материю из инертного состояния, что дало первый толчок к движению — этого мне не сказали.

Пустота зияла и в тех объяснениях возникновения всего живого на земле, которые мне в свое время дали. Если материалисты и дарвинисты признают, что все живое происходит только от живого (*omne vivum ex vivo*), то как тогда мог появиться первый зародыш? Я вспоминал все гипотезы, которые предлагали мне вместо ответа, но все они таяли, как тают под лучами солнца лишённые жизни восковые фигуры. Свет Евангелия согрел мое сердце и обнаружил несостоятельность моих материалистических взглядов.

Наконец, я задумался, как объяснить происхождение мысли. Если мысль — продукт мозга, как желчь является продуктом печени, она должна обладать качествами материи, тогда как мысль — явление духовное, равно как

и наше сознание, которое не поддается никаким измерениям. Больше того, уже само осознание существования материи — одно из неоспоримых доказательств, что сознание и мысль человека находятся вне материального мира.

Читая и снова перечитывая Евангелие, я обрел уверенность в бытии Бога как Творца вселенной и всего существующего на земле. Но познать самого себя, как учил великий мудрец Сократ, я не мог. Мне непонятен был смысл человеческих страданий, свидетелем которых я был каждый день. Казалось, что Бог, создав человека, остался в стороне от его судьбы.

Однажды, поздним вечером, на дороге в Говяжью Слободу (у Рославля) я увидел троих детей. Старшей девочке было около семи лет. Они сидели возле свежей могилы матери, убитой немцами вместе с двумя другими женщинами, которых подозревали в связи с партизанами. Я спросил у старшей:

— Детка, почему вы здесь сидите? Идите домой. Посмотрите, уже темно. Кругом ночь...

— У нас нет дома, — тихо проговорила девочка, все громче всхлипывая. Двое младших детей настолько ослабели, что уже не могли плакать. — Вчера немцы взорвали нашу землянку, а маму убили, — продолжала она, показывая ручонкой на небольшой холмик свежей земли.

— Что же вы собираетесь здесь делать? — спросил я.

— А мы умрем здесь вместе с мамой, — с горькими слезами ответила девочка.

Измученный вид этих детей настолько тронул мое сердце, что я не знал, что сказать, чтобы утешить несчастных малышей. А когда я, подняв глаза к небу, громко крикнул: «Великий Творец, скажи мне, за что страдают эти дети?» — старшей стало страшно, и, еще громче расплакавшись, она сказала:

— Дядя, возьми нас с собой. У нас никого нет, нам некуда идти...

Они не знали, что дядя сам не знал, где преклонить голову. И еще больше мне захотелось узнать истину о человеке — творении Божьем. Позже я встретил женщину, сидевшую на тротуаре у разбомбленного, еще дымящегося дома. На руке у нее лежал мальчик лет пяти, умерший от ранения осколком. В другой руке, прикрывавшей ребенка сверху, она держала измятую шляпу мужа, покрытую густыми каплями крови. Она смотрела на нее, не сводя глаз. Мужа несколько часов назад убили немцы. Люди подходили, останавливались и уходили. У каждого свое горе. А женщина все сидела...

И невольно вставал все тот же вопрос: «Господи, за что?» У меня на глазах несколькими выстрелами из автомата был смертельно ранен мой приятель и земляк. Когда я к нему подбежал, он руками заталкивал кишки в живот и почти без стола говорил: «Ну, друг, вот и все... И конец пришел. Об одном прошу, напиши дочери, что папу убили и он не знает за что... Я буду ждать ее на небе...»

И снова я спрашивал: «Господи, за что?»

А потом, позже, на улице Берлина, после ужасной

бомбежки пятнадцатью сотнями самолетов, двухлетняя девочка на тротуаре тербила маму: «Мутти, мутти, вставай...» Но мама не встала. Из-под серой маминой блузки сочилась алая кровь. Она была убита осколком бомбы. И снова возникал вопрос: «Господи, за что?»

Я вспоминаю бедную старушку, мать дочери, зверски убитой солдатами. Она стояла на коленях, воздев руки к небу и, глядя испуганными глазами, кричала: «Люди, куда вы дели мое счастье? Где моя Наташа?» Женщина сошла с ума.

«Господи, за что?» — с таким вопросом, огромным и многозначным, я ходил по земле несколько лет. Никто мне не мог дать ответ, который бы меня удовлетворил. Лишь позднее, когда приобрел Библию, я читал пророчество Исаии и там нашел ответ в словах, обращенных некогда к Израилю:

«Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство» (Ис. 1:5). Господь жаловался на Свой народ, непокорный и жестокий. Не может ли и сегодня быть так, что миллионы людей, считающих себя христианами, находятся в таком, если не в значительно худшем, положении? Не может ли и сегодня быть так, что миллионы людей, считающих себя верующими, отвернулись от Бога, живут во грехах, пренебрегают великим даром Божьим — Иисусом Христом?

Непокорность воле Божьей — вот основная причина всех человеческих страданий. И как часто непокорные дети продолжают оставаться непокорными, несмотря на увещевания и даже наказания отца!

Однако, столкнувшись с трудностями, тяжелыми жизненными обстоятельствами, многие люди пробудились от духовной спячки и позвали на помощь Христа. Не случайно родилась и живет в народе поговорка: «Как тревога, так до Бога». Как непостижимы и глубоки пути Божьи!

Недавно в английском журнале я прочитал заметку о жизни одного проповедника в Абиссинии. Он молился примерно так: «Дорогой наш Иисус, пошли нам больше скорбей... Когда наша страна была оккупирована, а король находился в изгнании, мы не имели хлеба для наших детей. И Ты, Господь, знаешь, как много людей приходило ночью в подвал, где мы тайно собирались на молитву. Ты знаешь, как каждую ночь приходили ко мне люди и со слезами просили, чтобы я их крестил во имя Твое... А теперь наш король вернулся. Война закончилась — а наши собрания пусты, никого не привлекает Твое Слово, мы теряем любовь к ближнему... Господи, ради спасения многих душ, пошли нам больше скорбей...»

Вот ответ на мои вопросы, за что страдают на земле люди, почему так тяжелы эти страдания.

Теперь я вспоминаю, что и мое чтение Евангелия не всегда носило характер искания Хлеба Жизни. Интерес к Евангелию возрастал тогда, когда смерть следовала за мной по пятам. Я читал Евангелие, но читал для плоти.

Помню, как часто мое внимание останавливалось на седьмой главе Послания к римлянам апостола Павла. В конце этой главы я видел яркую картину своих собственных переживаний. Я брал записную книжку и писал:

«Сегодня, такого-то числа, оставляю всякий известный мне грех, чтобы жить чистой и святой жизнью, как учит Иисус Христос». Но уже через несколько дней, не находя в себе сил исполнить обещанное, я с болью в сердце вырывал эту страницу из записной книжки.

Тогда приходили мысли о нежизненности Евангелия. Но тут же становилось стыдно за себя, и я думал: тогда надо признать, что все создано само собой, Бог — пассивная сила, а человек — просто «высокоорганизованное животное» — продукт многовековой эволюции.

А если не так, то человек такая же тайна, как и Бог. Нет! Я верил в Бога, в Его творческую силу, верил в Христа как Сына Божия, оставаясь в то же самое время погибшим грешником.

Глава 5

С души моей совлечены покровы.

36

Бог еще раз привел меня на суд — 24 февраля 1946 года. Был серый, неприглядный день. Холодный ветер пронизывал насквозь. Мокрый снег падал за ворот и холодными каплями стекал по спине. Я стоял с поднятыми руками, как преступник, осужденный на смертную казнь. И я был не один. На лицах сотен людей можно было прочесть отчаяние, ужас и обреченность. Нас охраняла специальная команда первой христианской дивизии. От солдат несло перегаром. В этот день исполнились мои тяжелые предчувствия. Я снова ощутил себя виновным не перед людьми, за что меня хотели отдать на смерть, а перед Богом.

Вот они, суды Божьи! Воистину, они справедливы!

Но еще оставалась надежда на милосердие Божье, вера в Его всемогущество. И я стал усердно молиться. Не знаю, почему я повторил несколько раз молитву Ефрема Сирина: «Господи, Владыка живота моего...»

Потом я почувствовал, что эта молитва не отражает моих переживаний. Я искал иные слова и нашел их в молитве мытаря: «Боже, будь милостив ко мне, грешному».

Проходили страшные минуты, запечатленные в словах поэта:

*Из вскрытого горла текущая кровь
Кричит безглагольной струею,
И снятый с петли возвращается вновь
К веревке, что манит петлею.*

День подходил к концу, и тогда пришел ответ на мою молитву. Я получил возможность жить, и эту жизнь я называю сверхурочной жизнью. На следующий день я лежал в госпитале и вспоминал страшные минуты вчерашней трагедии. Сердце переполнялось благодарностью к Богу. Как милостив Он! Как велик Он в Своей любви!

Но впереди было еще много трудностей и лишений, прежде чем я оказался в относительной безопасности.

В госпиталь приходил католический монах-немец. Ему одному было позволено посещать меня и других страдальцев за родной народ. Монах принес мне медальон для ношения на груди — как «верный паспорт» для входа в Царство Небесное. Он несколько раз обращал мое внимание, что этот медальон был освящен в самом Ватикане.

Через несколько дней я призвал православного священника, исповедался и принял и исполнил таинство причастия.

Но исповедь и таинство принесли мне лишь временное облегчение.

Внешне я как будто готов был встретить смерть, но душа все еще не обрела полного мира и прощения «всем и вся». Прощение грехов, объявленное священником после моей исповеди, не принесло мне полной радости. Я чув-

ствовал, что Бог, как справедливый Судья, вынесет мне за мое непослушание суровый приговор.

Однако через несколько дней Бог снова явил Свою милость и снял с меня карающую руку. В первое же воскресенье я пошел в церковь, чтобы возблагодарить Его за это. Я ставил перед «святыми угодниками» свечи, купленные за последние гроши. Еще раз я обещал Богу постоянно читать Библию и молиться, как будто не я, а Бог имеет в этом нужду. И на этот раз я остался верен своим обещаниям. Но, оставаясь верным этим обещаниям, я оставался верен и «злому гостю», который продолжал жить в союзе со мной и старался овладеть моими желаниями, мыслями и чувствами.

38

Я читал духовную литературу, которой располагал православный дом «Милосердный самарянин». Я стал придерживаться наставлений отцов церкви и русских подвижников благочестия, таких как святитель Феофан Затворник (Вышинский). Вот, например, некоторые из его советов:

«Раза два становись до обеда, раза два после обеда, всякий раз творя сто молитв Иисусовых с поклонами... Молитву Иисусову повторяйте пять-десять раз и более. А то тридцать три раза по числу лет пребывания Господа на земле... Когда язык навикнет, оно все будет читаться само собою. Или прямо возьми двадцать четыре молитовки Златоустовы» («О молитве Иисусовой Святителя Феофана», Мюнхен, 1947, с. 6, 7, 11).

Я следовал этим советам и повторял молитвы, стоя на коленях, а иногда ложился на пол, повторяя молитвы с

еще большим усердием. Но после этих молитв я часто впадал в уныние и даже сомнение; но я делал все возможное, чтобы остаться верным своему обещанию.

Через два с половиной года Господь мне открыл, что можно часто читать Евангелие, можно молиться — и все же оставаться погибшим человеком. Господу не нужны наши молитвы. Ему нужно наше сердце.

Помню, как в Страстную субботу, перед праздником Воскресения Христова, я постился. Вечером я пошел в церковь Святителя Николая, которая находилась на другом конце города. Кулич, несколько яиц и кусок ветчины я взял с собой для освящения.

Церковь была переполнена. В обычные дни пустая, в тот день она не вмещала людей. Люди толпились во дворе. Я нашел место, куда доносились звуки чудных пасхальных песнопений в исполнении церковного хора. Я слушал, думал и вспоминал. Совесть осуждала мою постыдную и недостойную христианина жизнь. Я по-прежнему ощущал на душе тяжелый камень и не знал, как от него избавиться. Слезы невольно навернулись на глаза.

Через щель в боковой двери я видел хор. Все были празднично одеты. На раскрашенных лицах поющих женщин цвели улыбки. В перерывах между пением одни переговаривались, другие сдержанно смеялись. Но вот священник произнес: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся...»

Регент взмахнул палочкой, и хор запел: «Тебе поем, Тебе благословим...» Но здесь тенор вывел фальшивую

ноту. Лицо регента исказили ужас и злоба, что вызвало смех у не поющей части хора. На лицах многих певчих была заметна явная насмешка над несчастным тенором. Некоторые перемигивались. Я увидел, что певчие совсем не переживают того, о чем поют. Их пение зовет к небу и вызывает на глазах слезы, мысли же их текут в русле земной греховной жизни. И от этого на сердце становилось еще тяжелее.

Во время крестного хода вокруг храма все запели тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». И здесь я увидел другую категорию людей — поющих и плачущих. Плакал и я, сам не зная почему. Плакал и пел: «Воскресение Твое, Христе Спасе...» Хотелось глубже понять и достойнее оценить это близкое и дорогое имя — Спас.

Рядом со мной шел религиозный человек, талантливый врач. В суровые дни войны мы вместе с ним пережили немало трудностей. Он же был и крестным отцом моего сына.

Когда мы в конце длинной очереди подошли к кресту, чтобы «приложиться», уже начинало светать. Повсюду раздавалось: «Христос воскрес! Воистину воскрес!..»

«Приглашаю ко мне. Вместе разговеемся», — предложил мне доктор. Он жил на втором этаже дома, в котором размещалась и церковь. Доктор убедил меня побывать у него, пока начнется движение трамваев. Мы поднялись наверх. Здесь же была комната настоятеля прихода и квартиры некоторых других церковнослужителей. Когда мы вошли в комнату, стол был уже накрыт. В центре

стояла бутылка водки. Мы поздравили друг друга с праздником Воскресения Христова и отведали освященного яйца и пасхи по устоявшейся традиции. По коридору беспокойно сновали люди. Доктор вышел из-за стола и закрыл на крючок дверь.

— Вы, наверное, забыли, что мы живем не в Советском Союзе? — спросил я.

— Нет, дело в том, что к нам может прийти незваный гость, отец Х. Обоянию этого человека можно только позавидовать. — И добавил: — Я дал святому отцу совет не пить вечером, а теперь, после службы, было бы как раз кстати.

— Как? — удивленно воскликнул я, даже не пережевывая кусок ветчины. — Разве отец Х. перед службой позволял себе пить водку? Разве он не постился?

Доктор сообразил, что об этом следовало бы молчать, но было уже поздно. Тогда он попытался хоть как-то исправить свою ошибку:

— Отец Х. не придает этому особого значения, — ответил он.

— Значит, эти руки, к которым я благоговейно приложился, целуя крест, недавно держали рюмку с дьявольским зельем?

Я опустил руки. Исчезло праздничное настроение.

Доктор, заметив мое негодование, пытался меня успокоить:

— Чему ты, друг, удивляешься? Мне это с детства известно. Для многих священников церковную службу править — как бухгалтеру на счетах щелкать.

Когда он увидел, что я не успокаиваюсь, добавил:

— Каждый баран за свою ногу будет подвешен. Так Бог поступит и с людьми. Перед Ним каждый за себя ответит. Ты ведь приходил молиться не священнику, а Богу, и что тебе до того, что священник перед службой малость «клюкнул»? Может, это для голоса полезно...

Доктор поставил передо мной рюмку.

— Не забывай, мы, русские, должны быть верны православному обычаю.

Я заметил, что принятие алкоголя считаю грехом.

— И где это написано? Разве в Кане Галилейской Христос не претворил воду в вино?

На этот вопрос я не смог ответить.

— А лучше, — продолжал доктор, — подойти к этому вопросу с медицинской точки зрения. Водка — хорошее дезинфицирующее средство. От водки несомненный вред, когда ее употребляют сверх меры.

Я уже не раз решал не пить водку. Но и на сей раз не устоял, особенно после того как доктор заявил, что он знать меня не захочет, если откажусь от его угощения.

«Только одну рюмку», — подумал я.

— На слезы не оставляй. Все выпьешь — веселее будет, — подбадривал меня мой друг.

И в самом деле, стало веселее. Я стал другим человеком. У этого, другого человека, другие мысли и другие желания. Этот человек забыл о намерении выпить только одну рюмку. Этот человек забыл докторский урок, что алкоголь очень вреден, если употреблять его сверх меры. Но где же эта мера? У пьющих об этом бесполезно спрашивать.

— А все-таки водка для священника — больше чем грех. Другое дело — мы, простые смертные... А? — говорил я доктору.

— Но ведь это в самом деле несправедливо. Священник тоже человек. Да об этом и в заповедях не написано, — заметил мой друг.

— Если не написано, — ответил я, — то, судя по моему состоянию, Бог, должно быть, забыл это сделать. Но где-то об этом написано.

— Давай лучше споем твою любимую песню, — сказал доктор и первый запел тихим тоскливым голосом. Нагнув голову и закрыв глаза, чтобы доктор не увидел слез, я подхватил:

...Жена найдет себе другого,

А мать сыночка никогда-а-а...

Глава 6

Ко Мне обратитесь, и будете спасены.

Ис. 45:22

Седьмого августа 1948 года, в послеобеденный час, в мою дверь постучали.

— Пожалуйста!

Дверь приоткрылась, и я увидел большие роговые очки, прежде чем показалась голова.

— Можно? — прикрывая за собою дверь, спросил меня человек лет пятидесяти.

— Да, да... Конечно.

Это был коренастый, полный мужчина. Он снял шляпу, затем очки, тщательно протер их платком. Большая лысая голова была покрыта крупными каплями пота. Казалось, он побывал под дождем. Он смотрел прямо, мягко улыбаясь и несколько прищуривая глаза. После обычного приветствия он вежливо спросил:

— Скажите, пожалуйста, вас интересует духовная литература?

— О да, — не задумываясь ответил я.

— В таком случае, я могу предложить вам евангельскую литературу. У меня с собой есть кое-что.

Присев к столу, он раскрыл тщательно зашнурованную брезентовую сумку и дал мне несколько книжонок. Это были «Бог или природа» Бондаренко, «Примирение и

покаяние» Муди и другие небольшие брошюры. Началась интересная беседа. У меня были некоторые вопросы, и я на все получил ответы со страниц Библии.

С новым знакомым мы расстались друзьями.

Весь вечер я просидел над Писанием, перечитывая отмеченные места. Охотно прочел предложенные мне книжки и не мог не согласиться с правильностью приводимых там доводов.

Жена, недовольная моим увлечением духовной литературой, говорила: «Не к добру это дело. Я вижу, у тебя ум за разум заходит».

На следующий день, возвратившись с работы, я застал в своей квартире вчерашнего знакомого. Он ожидал меня, чтобы предложить новые книги и немного побеседовать. Он рассказал мне о встрече с Иисусом Христом, которая произошла у него несколько лет назад в России. Он раскрыл Евангелие.

— Господь сказал, — наставительно начал он, — что без Него мы не можем делать ничего. Поэтому, прежде чем начнем читать Евангелие, я предлагаю помолиться.

Я хотел выйти из-за стола, чтобы стать перед иконами, но мой друг, встав, начал молиться. Сердечность и простота его молитвы произвели на меня большое впечатление и расположили мое сердце серьезно отнестись к каждому слову Писания. Я подумал, что таких молитв я никогда прежде не слышал. Все же на этот раз наша беседа не была совсем мирной.

— Согласиться, что такие люди как преподобный Серафим, подвижник Саровский, Иоанн Кронштадский

заблуждались!.. Нет... Нет... Этого я не могу! — упорно возражал я.

Ни убедительность Слова Божия, ни наглядные примеры, ни что-либо другое не могло поколебать и укоренившегося во мне представления об иконах. Однако я начал сомневаться в достоверности существующего предания о происхождении так называемого «нерукотворенного» образа Иисуса Христа. Говорят, что когда Иисус Христос при восхождении на Голгофу вытер с лица пот, на полотенце отпечатался Его образ. Несомненно, это великое событие и чудо не могло остаться незамеченным учениками, следившими за каждым шагом дорогого Учителя. Но ни один из евангелистов не упоминает об этом в Евангелии. Поэтому, в самом деле, думал я, стоит ли принимать это предание как достоверный факт?

Интерес к Евангелию возрастал у меня с каждым днем. Рождались новые вопросы, а вместе с ними и новые сомнения. Так прошла неделя. Вечер тринадцатого августа принес мне много переживаний.

В тот вечер мой новый знакомый снова посетил меня. Мы, помимо других тем, говорили также о национальной истории и о роли православия в образовании русского государства. Мои чувства не раз были обижены нехорошими отзывами о видных представителях моего народа. Прощаясь, мой знакомый оставил мне адрес молитвенного дома. Но я уже определенно решил, что мне взгляды баптистов не подходят.

Я — молодой человек, имею жену, сына, впереди вся жизнь. А здесь извольте: выпить — грех, театр — грех,

кино — грех, веселая песня — грех, закурить — грех и так далее.

Это не под силу обыкновенному человеку, думал я.

Было уже поздно, а мысли об этом меня не покидали. Думалось, неужели путь, на котором я теперь стою, не приведет меня к спасению, не обеспечит мне радостной вечности? Совесть мне подсказывала, что со мной не все в порядке. Уж слишком много я любил и делал такого, что противно Богу. В тот вечер ничто другое не шло мне в голову. В таком состоянии я лег спать. Но мысль не сдавалась, продолжая работать. Неужели эта маленькая кучка людей, которые называются баптистами, стоит на истинном пути? Неужели большинство ошибаются?

И я вспомнил слова Христа, которые накануне вечером снова прочел в Евангелии от Матфея: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

Значит, согласно Писанию, истина будет принята только немногими. Потом мне припомнились слова молитвы моего нового знакомого. Он благодарил Господа за спасение от вечной гибели, за вечную жизнь, дарованную ему Богом. Вот этого-то я и не мог сказать в своих молитвах. Да ведь знать о своем спасении — это больше всего и ценнее всего, что может знать человек!

Я несколько раз вставал с постели. Чувствовал, что у меня повышается температура. Я опустился на колени перед иконами и прочитал: «Да воскреснет Бог, и расто-

чатся врази Его...», а потом «Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли...»

Было далеко за полночь. Жена громко заявила: «Предупреждаю, что если завтра придет этот „пророк“, я ему дверь не открою. Довольно мутить тебе голову... Спать надо!» — «Спи спокойно, — ответил я, — он завтра не придет. Я сам к нему пойду».

Бессонная ночь прошла, но и солнечное августовское утро не принесло мне успокоения. Я решил обо всем рассказать своему близкому другу. Его мнение для меня много значило.

Переехав мост, я слез с велосипеда, чтобы подняться на гору. Взад и вперед сновали машины, дребезжали трамваи. На улицах было оживленно. Рябилась поверхность Изара, а на каменистых берегах его сотни купающихся заливались звонким смехом. Вдалеке слышался шум водопада. Жизнь шла своим чередом, но сердце переполнялось необычайной тоской.

В эту минуту на тротуаре я увидел окурок сигареты с красным ободком. Я несколько дней не курил, подвергнув себя очередному «карантину». И здесь, не удержавшись от соблазна, я осмотрелся по сторонам, наклонился и поднял этот окурок. И снова началась знакомая мне борьба двух духов. Ища в карманах спички, я разговаривал сам с собой: «Тряпка ты, а не человек... Людей не постеснялся... А говоришь: я силен... Сигарету одолеть не можешь. Кто курит? Ты куришь сигарету или сигарета курит тебя?..» К счастью, спичек в кармане не оказалось. Я медленно, пальцами растер сигарету — будто совершал

над ней казнь. Табак с бумагой, крошась, падали на тротуар.

Здесь, у моста, у меня созрело желание пойти на евангельское собрание. В четыре часа дня я был во дворе молитвенного дома. Из помещения доносились слова песни:

*Я слышу, голос Твой
Зовет меня к Тебе —
Омыться Кровию святой,
Проливой на кресте.*

Я слышал, как этот голос зовет сегодня и меня. Открыв дверь, я занял место на задней скамейке. Все было для меня непривычно: и песня, и проповедь, и молитва. Молитвы верующих произвели на меня большое впечатление. Ободряла таинственная теплота, исходившая от людей, приветствовавших меня. И в то же время стало ясно, что мне чего-то недостает, чтобы и я мог запеть:

*Лучший Ты мне дал удел,
Чаять я его не смел...*

Этот удел оставался для меня тайной.

Когда богослужение закончилось, ко мне подошел мой знакомый, по-прежнему безмятежно улыбаясь:

— Ну, как дела, друг? Рад вас здесь видеть!.. Не поедем ли сегодня ко мне? — спросил он.

Я согласился, и час спустя мы сидели в маленькой уютной комнатушке. Прежде чем начать беседу, хозяин прикрыл дверь:

— Лучше, если нам никто не будет мешать. Это не воспрепятствует нашему Господу войти и сказать: «Мир вам». Вот сегодня, — продолжал хозяин, — Господь хочет быть с нами, чтобы помочь нам в наших нуждах. Он ведь Сам сказал: «Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

После краткой молитвы хозяин предложил мне читать вслух третью главу Евангелия от Иоанна: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух... Должно вам родиться свыше...»

Никогда мои мысли не останавливались на этих словах так, как сегодня. Я почувствовал, что в этих словах скрыт величайший смысл и может быть ключ к познанию Истины.

Здесь же, на столе, лежал Новый Завет на немецком языке. Я открыл там третью главу от Иоанна и прочитал: «Was vom Fleisch geboren wird, das ist Fleisch; und was vom Geist geboren wird, das ist Geist» (Johannes 6:3).

«Ах, вот оно что, — мелькнуло в голове. — „Рожденное от мяса есть мясо...“».

Удивительно, что в немецком языке слово «плоть» не имеет другого значения, как только «мясо». Рожденный от богобоязненной матери и благонравного отца, воспитанный и грамотный человек все еще остается мясом, обреченным на гниение, если он не родился свыше. «Должно вам родиться свыше...» — все отчетливей и громче звучали слова Христа. Я увидел, что самого необходимого в моей жизни не произошло. Я не пережил духовного возрождения. Вот почему после сожаления о соделанных

грехах, я так скоро возвращался к тем же грехам снова. Мы разговаривали на эту тему около двух часов.

— Нам нужно поблагодарить Бога за эту беседу, за Его Слово, которое мы читали, — сказал хозяин. — Вы согласны благодарить?

— Да, мне есть за что благодарить Бога, — ответил я.

Он первый опустился на колени. Его прочувствованная молитва вызвала во мне еще большее чувство благодарности.

Хозяин дома закончил молиться, а я по-прежнему стоял на коленях. В памяти всплывали все события моей жизни, когда Бог всегда приходил мне на помощь. А я все еще живу во грехах, ежедневно Его оскорбляя. И, как наяву, у меня перед глазами предстала каменная возвышенность, имя которой — Голгофа. А там, на кресте, Иисус, распятый за мои грехи, и рядом я — грешный, непокорный, беспомощный... И увидел я себя преступником перед справедливым и любящим Богом...

Мысленно я перебрал все известные мне молитвы, но ни одна из них полностью не отражала моего душевного состояния. И впервые в жизни, отбросив все заученное, я сознательно сказал:

«Господь мой, Иисус Христос...»

Из-под опущенных век заструились слезы, в горле застрял какой-то ком. Я почувствовал, что Христос здесь, рядом со мной, ждет моего признания. Мне казалось, Он спрашивал: «Готов ли ты оставить всякий грех и идти за Мною?.. Твое прошлое Я вознес на крест и перед Отцом дал за тебя отчет».

Родилась молитва: «Я пришел к Тебе такой как есть. Я ничтожен и несчастен, потому что во мне живет грех. Но я верю, дорогой Иисус Христос, что Ты — Сын Божий, и сегодня принимаю Тебя как своего Спасителя...»

Не помню всех слов, с которыми я обратился к Христу, но на том же месте я получил ответ. «Я возлюбил тебя прежде, чем ты пришел ко Мне... Теперь ты Мой... Из Моей руки тебя никто не похитит...» — звучали в сердце слова Христа.

Мой друг сказал «аминь», но все еще стоял на коленях. От сердца отвалился тяжелый камень, и стало так легко, будто я сбросил тысячелетнюю ношу. «Господь, я благодарю Тебя. К ногам Твоим кладу свое сердце... Ты победил, и в этом — моя сегодняшняя радость», — молился я.

С молитвы я встал с новыми чувствами, новыми желаниями, новыми мыслями и новыми целями. Брат в Господе, широко улыбаясь, сказал:

— Дорогая душа, ты радуешься, и ангелы ликуют на небе, когда одна заблудшая овечка находит свое стадо.

— Да, брат (я впервые назвал его братом), пропадал я и нашелся...

Эти слова, казалось, как нельзя лучше отразили мои сердечные переживания. Мы тепло простились. Было уже совсем темно, когда я возвращался домой. Велосипед, словно на крыльях, катил меня с радостной вестью к жене. Хотелось петь и петь! Но что? Я не знал ни одного псалма, ни одной духовной песни. Когда наплыв радостных чувств переполнял сердце, я восклицал: «Аллилуйя!»

А когда посмотрел в бездонное небо, в его темно-голубую даль, я подумал: «Кто я перед Великим Творцом Вселенной? Звезды! Сколько их! Но кто был хотя бы на одной из них? Кто знает, что наполняет бесконечное пространство?» Вспомнились слова пастуха Ануфрича: «Одному Богу все ведомо». И все, что Богом создано, все прекрасно: небо, а на нем — солнце, луна и звезды; земля, а на ней — воздух, вода, растения и животные. Все прекрасно и все — для человека. Но для кого же ты, человек? Для себя? Нет, уверенно ответил я. Отныне все для меня, а я для Бога. В этом теперь цель и смысл жизни.

А вот рядом — руины, плоды рук человеческих. Вчера были чудесные дома, а сегодня — развалины. Несмотря на поздний вечерний час, люди сновали по улицам. У театра толпилась шумная очередь. Из раскрытых дверей пивных доносились гортанные звуки американской речи и визгливые выкрики немецких женщин. Рядом парк. В нем много обгоревших деревьев. Они снова возвращались к жизни и выглядели как чахоточные. Сырой воздух парка напоминал кладбище. Электрические лампочки бросали на дорожки мутный свет. Люди толпились у расставленных столов.

Услужливый официант, размахивая полотенцем, торопился к очередным посетителям. На площадке устроился оркестр. Там было больше света. Как из-под земли вырос лысый, желтолицый дирижер и взмахнул палочкой. Барабанщик выбил дробь, завывали саксофоны, заплакали скрипки, заревели трубы...

Первый раз в жизни эта музыка испугала меня и вызвала дрожь во всем теле. Я готов был заткнуть уши, чтобы не слышать этих страшных завываний. Сердце желало иных, небесных мелодий, желало иных звуков. Я увидел, что радость в Господе не имеет ничего общего с мирской радостью. Между мной и миром пролегла пропасть. Хотелось громко крикнуть: «Люди! Люди!.. Что вы делаете? Давно ли, прячась в бомбоубежищах, вы судорожно крестились, призывая на помощь Христа, заступницу Марию и всех святых? Так подумайте же о себе сегодня! Разве вы не знаете, что Христос жив? Крест, на котором Его распяли люди, пуст. Потому я и встретился с Ним сегодня. Он спас меня, Он спасет и вас... Перестаньте шаркать ногами по пыльному полу. Перестаньте под визг джаза трястись как в лихорадке... Придите к Иисусу. Он даст вам другую песню и с нею — другую радость...» В душе родилось желание: «Пойду из дома в дом, пойду из города в город, пойду, расскажу всем об Иисусе. Расскажу, как Он нашел меня. Расскажу, как Он делает людей счастливыми...»

Так я разговаривал сам с собою. Но другая мысль шла по следам первой: «У тебя ведь жена и ребенок. Поздно, друг, поздно. Ты хочешь пойти, отдать себя на служение Богу. А кто же даст твоей семье кусок хлеба?»

И тут я увидел перед собой, на дороге, буханку обычного немецкого хлеба. Должно быть, она упала с машины. Я остановил велосипед, взял хлеб и здесь же, на улице, начал молиться: «Господь, если этот хлеб послан Тобою, как ответ на мои мысли, я благодарю Тебя!»

Вскоре я был дома. Жена, увидев меня в необычайном расположении духа, встретила словами:

— От великого до смешного — один шаг: утром стояла на коленях, молился перед иконами, а вечером пришел домой пьяный. Как тебе не стыдно!

— Нет, дорогая, — ответил я, положив на стол хлеб, — на сей раз ты неправа. Это совсем не так.

Раскрыв окно, я стал на колени для молитвы, предложил и жене стать рядом. Впервые за шесть лет нашей совместной жизни она без слов преклонила колени рядом со мной. Стал и сынок. Он совершенно не понимал, что случилось с папой. Я благодарил Господа за дар спасения и просил, чтобы Он научил меня познавать и выполнять Его волю. А еще я молился о жене, моей верной спутнице, чтобы Господь и ее обратил на Свой путь. Жена плакала, не знаю почему. Может быть, она сомневалась в здравии моего рассудка. Но когда я объявил войну и совершил суд над предметами явного непотребства и нечистоты (Гал. 5:19) — жена обрадовалась. Через окно полетел портсигар (единственная ценная вещь в доме), пепельница, мундштуки и трубки, а также все запасы табака, выбросил заваливавшиеся карты, потом выбросил все водочные рюмки, хотя они могли сгодиться и для других целей. Так беспощаден я был ко всему тому, что много лет господствовало надо мной. Жена, улыбаясь сквозь слезы, сказала:

— Дай Бог, чтобы это было навсегда!

Глава 7

И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам.

Иез. 36:26

Утром я проснулся раньше обычного. События вчерашнего дня отчетливо стояли у меня в памяти. Хотелось снова молиться. Чувствовалась близость Господа, и молиться Ему совсем не утомительно, как казалось мне раньше. В этом я теперь видел особую радость.

На работу я выходил рано. Во многих домах еще не зажигались огни. Проходил через парк, не встречая ни единого прохожего. Здесь я получал от Господа подкрепление на весь трудовой день.

Друзья меня не узнавали. Да я и сам не узнавал себя. Уже на следующий день я не мог терпеть табачного дыма. Когда друзья предлагали закурить, я им отвечал: «Для меня сигарета — атомная бомба. Милосердный Бог освободил меня от столь постыдного рабства».

Еще чувствительней проявилось отношение к алкоголю. Даже запах пива вызывал у меня, и поныне вызывает, отвращение.

Господь помогал мне и физически. На работе я забывал об усталости, когда начинал про себя петь некоторые псалмы.

Перечитывая снова и снова Евангелие, я теперь видел все в ином свете. В седьмой и восьмой главах Послания к

римлянам совершенно отчетливо распознавал свои собственные переживания.

К моим свидетельствам об исцелении и спасении окружающие относились настороженно. Уже после первых слов все стали называть меня баптистом, хотя у меня еще не возникало мысли принимать это название. Имея радость и мир с Господом, я искал возможности делиться этой радостью с другими.

В следующее воскресенье, утром, я, по обыкновению, пошел в православную церковь. Больше меня не привлекали ни кадильницы, ни восковые свечи, ни бархатный голос диакона, ни золотистая одежда священника. Меня влекло к живым людям, чтобы из переполненного сердца делиться радостью спасения. Ведь это так просто — принять Христа как личного Спасителя! Но, к сожалению, меня никто не понял. Некоторые с недоумением слушали, другие, качая головой, уходили.

«Угорел человек» — говорили одни. «Продался баптистам» — слышал я от других.

Не дождавшись аудиенции у митрополита Анастасия, я со слезами оставил двор храма. Как жаль, что люди не желают понять самого существенного и простого — думал я на обратном пути.

Я шел куда глаза глядят. Утешался надеждой встретиться со священником, отцом В., и через него рассказать всему приходу о моих переживаниях, об искренности моих намерений.

Незаметно я подошел к дому, где происходили евангельские богослужения. Брат, с которым мы подружились,

сразу подошел ко мне и, словно зная о моих нуждах, спросил:

— Чем могу вам послужить, брат? — И он назвал меня по имени. Потом, утешая меня, повторял: — Сему надлежит быть.

Самое лучшее утешение получил я от Господа, когда на собрании обратился к Нему с молитвой.

Что ни день, один за другим, оставляли меня друзья. Жена одного знакомого, хорошо знавшая мою прошлую жизнь, во время беседы заявила: «Я православной родилась, православной и умру. А ты распял Бога, Который тебя не раз спасал... И не покраснеешь, а сидишь, улыбаешься...» Удивительно, однако эту ревнительницу православия я ни разу не видел в православной церкви.

Большое подкрепление от Господа я получил посредством живых и убедительных проповедей брата Иоанна Марка. Он первый натолкнул меня на мысль о вступлении в завет с Господом. Перечитывая несколько раз Новый Завет, я должен был убедиться, что в плане Божьем крещение детей не было предусмотрено. И поэтому мысль о крещении преследовала меня неотступно и окончательно созрела после одного события.

Я был приглашен на беседу матерью одного русского господина. Будучи особой влиятельной в православных кругах, она надеялась переубедить меня. Однако в назначенное время ее не оказалось дома. В постели лежал ее больной сын. Я начал с ним беседу. Тем временем к этому господину пришли посетители — два пожилых человека. Один из них оказался весьма начитанным, неплохо

знающим Писание. Он вступил в наш разговор. Второй гость, как я узнал после, был известный политический деятель и член Православного Совета в Германии. Бледное, худое лицо его хранило черты благородства и отпечаток глубоких переживаний. Совершенно другое впечатление производили его глаза, тупо и зло глядевшие изпод набрякших век. Он вежливо попросил разрешения закурить, а потом, жадно затягиваясь, курил одну папиросу за другой. Привыкший в каждом советском человеке видеть коммуниста, он недоверчиво присматривался и ко мне.

Говорили долго. Я терпеливо выслушивал доводы моего нервного собеседника, предлагая ему ответы из Писания.

— Бог предусмотрел пытливость человеческого ума, и потому на все наши вопросы мы можем найти ответы в Писании, — сказал я.

Мой знакомый запротестовал:

— Беда в том, что вы плохо знаете церковную историю и творцов литургии. Знай это, вы убедились бы, насколько дополнено и расширено понятие «Священное Писание».

— Например? — спросил я.

— Вот святой Киприан, епископ Карфагенский, еще в третьем веке в своих творениях открыл необходимость крещения детей.

— Мой друг, — ответил я, — святой Киприан не является автором Священного Писания. Ведь его письма не вошли в канон Нового Завета, а ныне канон закрыт. Это ведь были частные письма.

— Нет! Как? Это было повеление свыше!

В это время я имел неосторожность открыть Евангелие и громко прочесть: «Но если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, — да будет анафема» (Гал. 1:8).

Следующий стих я не мог прочитать, так как доселе молчавший гость из бледного вдруг стал красным, глаза его загорелись особенным светом.

— Так вот оно что! Ты — ма-а-а-а-сон! Вон отсюда! — закричал нервный гость и резко распахнул передо мной дверь. Из его уст посыпались бранные слова, словно перед ним стоял убийца или вор. Я имел право протестовать, так как он не был хозяином квартиры, но предпочел лучшим оставить дом.

На обратном пути я молился. Господь принес мне утешение в словах: «Меня гнали и вас будут гнать... В мире будете иметь скорби, но мужайтесь: Я победил мир».

Во всем этом я видел не что иное, как фараоновское ожесточение. Ожесточение со стороны внешних и близких я оценил как ожесточение врага моей души. Вместо разочарования это принесло мне ободрение.

Вскоре состоялась и желанная встреча с отцом В. Он внимательно меня выслушал, некоторое время молчал, как бы о чем-то размышляя, а потом, положив руку на плечо, сказал:

— Если ты это сделал по побуждению души, я рад за тебя, сын мой. Да благословит тебя Господь!

— Но Вы-то, Вы-то? — сказал я. — Вы же несете

ответственность перед Богом, сознательно оставаясь на ложном пути.

— Да, да... Наша церковь нуждается в значительной реконструкции. Но ведь я маленький человек. Мой протест только лишит меня куска хлеба. Это все, что я могу сказать.

Был воскресный день — 28 ноября 1948 года. Обычное дождливое баварское утро казалось мне радостным и торжественным. К полудню солнце выглянуло из-за туч, посылая косые лучи на землю. Казалось, оно радовалось вместе со мной. Этот день был для меня необыкновенным. Собралось много народа — местная община и немало приезжих гостей. Мне и девяти другим обращенным душам было преподано святое по вере крещение.

Медленно входя в воду, я сознавал, что совершаемое событие — единственное и неповторяемое в моей жизни. Оно возлагает на меня великую ответственность перед Богом.

— Брат Николай, веришь ли ты, что Христос вознес твои грехи на крест? — громко и отчетливо, но с явным армянским акцентом спросил брат Марк.

— Верю, — ответил я.

— По вере твоей, во имя Отца, Сына и Святого Духа, крещу тебя, — сказал брат, энергично погружая меня в воду. — Аминь.

— Аминь, — повторил я вслед за братом.

«Аминь» — чудным хором пропело святое воинство на небесах.

Глава 8

И вот Я с вами во все дни до скончания века.

Мф. 28:20

Прошло четыре года. Я увидел, что жизнь христианина — великая школа, ученики которой подвергаются строгой проверке и экзаменам. Учитель этой школы — Тот, Кто имел право сказать о Себе: «Один у вас Учитель — Христос». Да, есть только один Учитель правды.

За это время пришлось пережить много трудностей и испытаний. Но Господь никогда не оставлял меня одного. Как велик Он в словах: «И вот Я с вами во все дни». В нужное время Он открывает мне источники великой силы, и мой враг уходит от меня постыженным.

Я не знаю, что ждет меня впереди, но знаю, что не розы, а, скорее, шипы да тернии. Таков путь Христов. Да Господь и не обещал верующим в Него розовую дорожку. Наоборот, Он Сам предупредил: «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33). И потому по душе мне стала песня, которую пели мои предки-христиане: «К неземной стране путь указан мне». А на этом пути не цветы, а шипы, не соловьи поют, а воют шакалы, не песенка ручья улаживает слух, а глухой рев водопадов беспокоит душу. Тем не менее, я этот путь полюбил, «и меня влечет что-то все вперед». И это «что-то» — огонек Христа. Теперь я знаю, что Он, а

не кто другой, показывает правильный путь к вечности. И Он Сам прежде человекoв прошел по этому пути, отметив его праведной кровью, пролитой для всех и за всех грешников.

Дорогой друг! Я закончил свое повествование. Сам Бог свидетель, что я рассказал правду. И если ты никогда не обращался ко Христу как личному Спасителю, ты все еще остаешься грешником, обреченным на смерть. Но сегодня тебе открывается великая возможность принять Жизнь верою, как дар Бога, и тогда ты будешь способен прославить Жизнедавца. Мой Господь да поможет тебе в этом.

Ему слава во веки!

